

УДК: 93/94

DOI: 10.25629/НС.2023.05.12

ОБРАЗ НИКОЛАЯ II В ПЕРВЫЕ ДНИ ЦАРСТВОВАНИЯ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ THE NEW YORK TIMES

Пахомов Д.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена формированию образа императора Николая II в американской газете The New York Times в первые дни его царствования. Рассматриваются транслируемые газетой оценки его личных и деловых качеств. Показывается динамика таких оценок за непродолжительный период с начала третьей декады октября до начала ноября (по юлианскому календарю) 1894 г. Разбираются печатавшиеся в этом издании слухи о возможных внутривнутриполитических переменах в России, проводится верификация некоторых из подобных суждений. Показывается связь вырисовывавшегося в материалах газеты образа молодого царя с политическими раскладами в Европе и их вероятными трансформациями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

император Александр III, император Николай II, газета The New York Times, вдовствующая императрица Мария Федоровна, принц Уэльский Альберт, принцесса Уэльская Александра, герцог Йоркский Георг, граф Роузбери.

ВВЕДЕНИЕ

К концу XIX в. американская газета The New York Times обрела в своей стране репутацию беспристрастного и объективного издания, реагирующего на политические события взвешенно и аргументированно. Однако при освещении новостей из Российской империи газета резко меняла тональность и порой не заботилась о качестве публикуемых сведений. Это видно хотя бы по тому, как она отреагировала на перемену царствований, произошедшую осенью 1894 г.

НАЧАЛО: ПРЕДВЗЯТЫЕ И НАДУМАННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Уже на следующий день после кончины в Ливадии императора Александра III The New York Times поместила на своих страницах целую подборку слухов о том, как развивались события после этого печально события.

По утверждению газеты, старший сын и наследник покойного императора не хотел брать на себя бремя власти, поэтому вдовствующей императрице даже пришлось обратиться за помощью к принцу Уэльскому Альберту (будущему Эдуарду VII) и его жене, принцессе Уэльской Александре, своей родной сестре, в надежде, что те «смогут повлиять на цесаревича и изменить его мнение». О Николае также говорилось, что он «хочет отказаться от трона и получать пенсию», что брат Александра III, вел. кн. Владимир Александрович, под впечатлением от намерения своего племянника заявил ему о своей готовности стать регентом младшего сына покойного императора – Михаила – вплоть до возраста, когда тот сможет начать править самостоятельно [1, р. 1].

В современном отечественном исследовании доказывалось, что такие и похожие слухи действительно циркулировали в обществе, а затем превратились в пропагандистские штампы оппозиционных политических сил, однако они не имели ничего общего с действительным ходом событий в Ливадии сразу после смерти Александра III [17, с. 64–66]. Но обращает на себя внимание, с какой оперативностью эти слухи пересекли Атлантику и попали на страницы The New York Times.

На третий день нового царствования, когда уже стало совершенно очевидно, что наследование российского престола осуществилось в установленном порядке и империя получила нового царя – Николая II, – газета сменила тематику новостей из России. Теперь в фокусе внимания редакции оказались сведения о предыдущей жизни молодого императора. В нью-йоркском издании говорилось, что по воле отца Николай в бытность наследником «изучал больше современные науки, нежели классические». Именно поэтому он «плохо знает латынь и греческий», разбирается в «недавней и современной истории России, но слабо сведущ в истории Московии». Не обошлось и без упоминания успехов будущего царя в других науках – важных для военного дела и для понимания политической ситуации в стране и в Европе в целом: в *The New York Times* отмечалось, что Николай II «знает математику, географию, язык и литературу Франции и Германии». Подчеркивались и навыки императора в военном деле. По этому поводу говорилось, что он поступил на военную службу в возрасте 18 лет и к вступлению на престол уже «стал порядочным офицером».

Однако в газете тут же делалась оговорка, которая сводила на нет все предыдущие характеристики царя, которые вполне можно было рассматривать как позитивные. Так, в публикации от 3 ноября подчеркивалось, что новый правитель России «не испытывает страсти к военному делу», «глуп, но образованнее своего отца в науках», «застенчив, что легко спутать с высокомерием», натасканный «ощущать себя выше, чем его отец». Подобные характеристики служили подводкой к новому заходу на тему интриг, которые плетут вокруг молодого императора представители разных придворных группировок и с которыми он никак не может совладать [2, р. 1].

Если 3 ноября негативные характеристики хотя бы предварялись позитивными, то на следующий день тональность в освещении фигуры Николая II резко изменилась в направлении усиления отрицательных характеристик. Статья в *The New York Times* имела три заголовка – «Русский незрелый автократ», «Грядущие неудачи правления уже прослеживаются» и «Личные черты Николая Второго». Материал производил впечатление крайне ангажированного и изобиловал пафосными метафорами. Российский император объявлялся в нем «слабым звеном – олицетворением декаданса», а ситуация в России характеризовалась как напоминающая «времена падения Римской империи». Автор статьи утверждал, что «все слагаемые катастрофы налицо». В разделе, посвященном личным качествам молодого монарха, приводились характеристики, призванные подкрепить приведенные выше прогнозы относительно будущего Российской империи. Николай II назывался «беззаботным малым с крайне ограниченным интеллектом», который «ненавидит военное дело, считает политику скучной», а также «не любит жизнь в России». В статье приводился лишь единственный объективный факт – указание на внешнее сходство Николая II с герцогом Йоркским Георгом (будущим Георгом V). Об этом сходстве много говорили современники, но примечательно то, что даже эту, казалось бы, не зависящую от мнений данность *The New York Times* пыталась обратить против русского царя. В статье обращалось внимание на «желтоватые волосы и бороду» нового правителя России, подчеркивалось, что такая прическа «делает Николая Второго гротескно похожим на герцога Йоркского», но при этом «разница не в пользу Николая». От описания внешних черт самодержца автор переходил к характеристике вероятных новых внешнеполитических ориентиров России и сообщал, что он «никогда не был в Париже» и «симпатизирует немцам» [3, р. 1]. Совершенно очевидно, что последнее утверждение имело целью породить сомнения в прочности союза России с Францией, заключенного еще Александром III.

The New York Times не обошла вниманием нового императора России и на следующий день – теперь в связи с упоминанием неких «нигилистов», которые «надеются на смерть Николая Второго в течение года», а сам царь назывался врагом этих предельно аморфно обозначенных сил [4, р. 3]. По-видимому, высвечивание образа императора с этой стороны явилось определенной данью традиционному изображению европейских монархов, являющихся в глазах аудитории газеты по определению врагами любых «нигилистов», вне зависимости от их конкретной партийной или национальной принадлежности.

ПРОДОЛЖЕНИЕ: ЦАРЬ-РЕФОРМАТОР?

Газета писала о Николае II и на следующий день. Теперь на ее страницах приводилась соответствовавшая действительности информация о слухах в России по поводу того, что новый самодержец пойдет на определенную либерализацию внутривластного курса. Такие мнения на самом деле высказывались в разных кругах русского общества и даже среди представителей бюрократических кругов в первые недели нового царствования и в принципе вплоть до знакового выступления Николая II 17 января 1895 г. в Зимнем дворце перед депутациями [17, с. 168 и далее]. Поэтому в данном случае сообщение газеты о том, что в России «ходят слухи об ожиданиях относительно царя насчет частичной или полной отмены цензуры в печатных изданиях» [5, р. 6], полностью соответствует действительности, и *The New York Times* на этот раз выступила просто передатчиком объективных данных.

Начиная с 7 ноября (26 октября) публиковавшиеся в газете новости из России на протяжении нескольких номеров связаны с ожидавшимся важнейшим ритуальным событием – похоронами Александра III. (Это был последний день пребывания Николая II, его невесты – великой княжны Александры Федоровны, – вдовствующей императрицы Марии Федоровны и других представителей династии в Ливадии, их выезд вместе с гробом Александра III в Петербург был намечен на следующий день [18, с. 125].) В этот день в газете просто говорилось о том символическом значении, какое для российской монархии имели похороны ее державных представителей [6, р. 9].

Любопытно, что на этом фоне изменилась тональность в подаче материала о Николае II. Газета вдруг заговорила о страданиях сына, потерявшего отца, о его сыновней почтительности и благородстве: «Николай Второй был глубоко тронут <...> отпечаток горя на лице Николая был явственно заметен». Еще более примечательно то, что в этой публикации в газете впервые делался прогноз относительно политического курса нового императора, который полностью соответствовал действительности, но который еще не был публично заявлен царем и, более того, о котором, похоже, особо не догадывались даже представители династии, не говоря уже о более широких кругах чиновничества и общественности. Так, в *The New York Times* утверждалось, что «некоторые слова Николая Второго внушают ощущение того, что он продолжит править так, как правил его отец» [7, р. 8].

10 ноября (29 октября), когда траурный поезд еще только ехал по Центральной России по направлению к Москве, где планировалось сделать остановку и организовать массовое прощание с покойным императором [18, с. 126], нью-йоркская газета сообщила о дате похорон Александра III, указав на 17 ноября (5 ноября), тем самым ошибившись на два дня – эта церемония состоялась в Петропавловском соборе 7 ноября (19 ноября) [8, р. 2]. (Примерно на такое же время – два-три дня – ошиблась газета почти через неделю при прогнозировании дня бракосочетания Николая II и великой княжны Александры Федоровны, причем также упредив реальную дату [13, р. 5].)

В этой же публикации приводились два факта, которые представляли Николая II великодушным и терпимым человеком, не торопящимся налагать суровые наказания на тех, кто дежурит того заслуживал. Так, сообщалось, что «многие польские католические священники, отказавшиеся от принятия присяги Николаю Второму и задержанные в связи с этим», в итоге «были отпущены по принятии таковой». Но если в данном случае лояльность ксендзов все же была продемонстрирована, то совершенно иначе выглядел другой пример царской милости. Некий «лейтенант Боборыкин» был арестован «за причастность к заговору против Николая Второго», но в итоге всего лишь «был лишен всех званий и орденов, а также сослан в Сибирь» [8, р. 2]. Это был объективно мягкий приговор для несостоявшегося цареубийцы. Правда, сведения об обоих случаях – и про ксендзов, и про «лейтенанта Боборыкина» – не подтверждаются данными других источников. Возможно, газета напечатала непроверенные слухи о том, чего не было в действительности. Но в данном случае важно другое: эти слухи работали не на дискредитацию Николая II, а напротив – на укрепление привлекательных для аудитории *The New York Times* черт его образа. Почти через неделю такую же функцию, вероятно, должна была

выполнить новость о том, что царь «выделил 500 000 рублей деятелям развлекательных учреждений, дабы оные прекратили свою работу на время похорон» [13, р. 5].

Однако некоторое «потепление» газеты в отношении императора не означало изменения ее позиции. В *The New York Times* сохранялась определенная оценочная амплитуда в подаче новостей о России, разве что негативные суждения стали в меньшей степени касаться непосредственно Николая II, а больше фокусировались на проблемах России в целом. А если и задевали императора, то не так некорректно, как это позволяла себе газета в первые дни его правления. В этом смысле симптоматична статья «Средневековый блеск и средневековая дикость», вышедшая 11 ноября. То есть едкий выпад против России чувствовался уже в самом заголовке материала. В статье говорилось, что и по своим физическим показателям, и по интеллектуальным способностям «царь не готов к борьбе, которая его ожидает», то есть к вызовам, которые множились по мере развития и усложнения российского общества и отношений внутри него. Но примечательно, что эта «неготовность» царя в статье выставлялась не как результат его личностных качеств, а как следствие заскорузлости в целом самодержавной системы власти. Более того, осторожно отмечались некоторые позитивные подвиги, которые можно было расценивать как симптомы возможных перемен в направлении либерализации и прогресса. Например, утверждалось, что обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев, «фанатик теократического деспотизма», пребывает «в опале» [9, р. 1]. На самом деле было все наоборот: с самого начала нового царствования глава духовного ведомства вновь был приближен к трону [17, с. 94–97]. Но в данном случае это ошибочное утверждение неважно – гораздо более значим уже сам разговор о переменах в ближайшем окружении императора.

Через несколько дней в газете был напечатан «приговор» министру внутренних дел И.Н. Дурново – сообщалось, что он «отправится в отставку сразу же после похорон». И тут же передавался дошедший из Петербурга слух: «...якобы Дурново рекомендовал Николаю Второму ввести комендантский час в столице, однако Николай Второй отклонил предложение» [12, р. 1]. Опять-таки не имело принципиального значения, намеревался ли в действительности молодой царь расстаться с главой МВД, доставшимся ему в наследство от отца. Необходимо было показать, что чистка старых кадров неминуема и есть за что.

Из этого же ряда было сообщение об отмене распоряжения варшавского генерал-губернатора, командующего войсками Варшавского военного округа И.В. Гурко, что подданные Царства Польского «должны принять присягу на русском языке» [9, р. 1].

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДОПЛЕКА ОЖИДАВШЕЙСЯ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ

Подобные частные свидетельства прогрессивных поступков власти объяснялись в газете влиянием вдовствующей императрицы на своего сына: «...новый царь находится в руках “людей его матери” – англо-датского и немецкого окружения». А поэтому «английская колония ликует» и «настроена на конституцию» или на «земский собор» [9, р. 1]. Под «английской колонией» в данном случае подразумевалось это династическое лобби, которое, по мнению *The New York Times*, и должно стать главным реформатором России. Видимо, газета исходила из факта преклонного возраста королевы Виктории и ожидаемого наследования британской короны ее сыном Альбертом, женатым на сестре вдовствующей императрицы.

Похоже, что подобное акцентирование навязываемого Николаю II «английской колонией» реформаторского курса, а также упомянутые выше намеки на негативное отношение нового самодержца к Франции преследовали определенную геополитическую цель – ослабить союз Петербурга и Парижа, который был направлен против не только Тройственного союза, но и заигрывавшей с этим объединением Великобритании. В пользу такого мнения говорило и цитирование в эти дни в *The New York Times* слов британского премьера графа Роузбери о том, что «политика нового императора – Николая Второго – поспособствует сближению двух стран». Роузбери в кабинете своего предшественника Уильяма Гладстона занимался иностранными делами, работая на сближение с Тройственным союзом. Его невнятное премьерство не привело к каким-либо существенным переменам во внешней политике Лондона, поэтому нет

оснований полагать, что его отношение к Петербургу и Парижу претерпело изменения. Навязывание читательской аудитории *The New York Times* представлений об изменившихся внешнеполитических ориентирах династии Романовых и о ее зависимости от английского двора неизбежно порождало сумятицу в том числе и в европейском общественном мнении по поводу союзнических отношений России и Франции.

Вдобавок к цитированию Роузбери в газете упоминались организованные при Александре III гонения на последователей Л.Н. Толстого [10, р. 9] – с очевидным намеком на то, что прекращение подобных действий послужит делу либерализации нравов в российском обществе. Соседство такого намека с благорасположенным к новому царю высказыванием Роузбери было неслучайным.

Навязчивые указания на свидетельства предстоящей либерализации продолжались и в следующих номерах газеты. Утверждалось, что «все пребывают в ожидании, произойдет ли послабление в деле контроля за прессой или же меры ужесточатся». Ответ на этот вопрос как бы сам собой напрашивался по прочтении другой новости из России, напечатанной в том же номере, что император «подписал указ об отсрочке высылки 125 еврейских семей из Екатеринослава» [11, р. 1]. Данное сообщение должно было восприниматься как очередное свидетельство предстоящей либерализации внутривластного курса самодержавия.

Но чем больше обращалось внимания на подобные знаковые отличия начавшегося нового царствования от предыдущей эпохи, тем четче обозначался зазор между склонной к переменам (в изображении *The New York Times*) натурой Николая II и его реальными возможностями что-то всерьез изменить без глубинных политических преобразований. 17 ноября (5 ноября) в газете подчеркивалось, что царь «очень популярен» и «люди приветствуют его со всех сторон». И тут же – как бы вопреки такому мнению – сообщался слух из России: «... в политехнической школе состоялся бунт среди учащихся, которые отказались присягать новому императору» [14, р. 5].

Тем не менее в любом случае можно сказать, что всего лишь за две недели образ Николая II в *The New York Times* претерпел качественные изменения – от «глупого» и «застенчивого» до в целом прогрессивного и просвещенного, пусть и не выделяющегося особенными дарованиями и талантами, но вместе с тем постепенно отходящего от одиозных представлений отца и исправляющего его нелиберальные деяния.

И снова приведенные выше вопрос про свободу прессы и подсказывавшийся на него ответ подавались вместе со своего рода британской тенью на царский престол: в этом же номере как бы между делом отмечалось, что «Николай Второй провел весь день в форме русского генерала», в то время как «принц Уэльский провел этот день в форме полевого маршала» [11, р. 1]. Налицо подспудное, но явно прочитываемое указание на копирование поведения своего более старшего дальнего родственника. Так же явно неслучайным явилось особое выделение среди всех иностранных гостей, прибывших в Петербург на похороны Александра III, герцога Йоркского Георга – «ближайшего друга» царя и к тому же очень на него похожего внешне [13, р. 5].

По мере приближения похорон – знакового события, завершающего предыдущее царствование и открывающего царствование новое, – все более явными становились намеки на вырисовывающееся сближение России и Англии. Накануне самого события *The New York Times* сообщала, что во время одного из протокольных мероприятий с иностранными гостями император «пошел против протокола и пригласил с собой принца Уэльского – в той части церемонии, в которой он должен был действовать в одиночестве», причем тут же делалась оговорка, что «произошедшее воспринимается как явный сигнал чего-то <...> что должно быть», а само по себе это событие, вероятно, имеет какую-то связь со словами премьера Роузбери по поводу «возможного потепления отношений между Великобританией и Россией» [15, р. 1].

В другом же материале газеты за этот день о перспективах сближения Лондона и Петербурга говорилось более сдержанно. Подчеркивалось, что «интересы России и Британии расходятся по Востоку», однако тут же делалась оговорка о возможности нахождения компромисса между обеими державами благодаря «близким отношениям между принцем Уэльским и Николаем Вто-

рым». Вместе с тем в материале указывалось на незыблемость британских геополитических интересов. В частности, говорилось, что «Британия не хочет дать России вклиниться между ее индийскими владениями и Турцией через территорию в будущем потенциально независимой Армении», поэтому «Турция является защитным барьером для Англии от дальнейшей экспансии России на юг» [16, р. 4]. Таким образом, читателю давалось понять, что личные взаимоотношения между обоими дворами вряд ли смогут что-то изменить в этом вопросе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из ведущих американских газет, претендовавшая на особую роль в политической жизни страны, *The New York Times*, естественно, не могла не уделить внимания столь значимому событию, как перемена монарха в самой крупной по своим размерам державе Старого Света. Однако при информировании своей аудитории о новостях из России газета не стремилась к информационной чистоте, прибегала к слухам, в том числе непроверенным и не соответствовавшим действительности, довольно тенденциозно изображала молодого императора Николая II. Однако подобный подход довольно быстро сменился иной оценочной позицией: царь стал представляться внутренне готовым к либеральным преобразованиям, что объяснялось влиянием со стороны его матери, а также английских родственников – представителей британской королевской семьи. Такая информационная политика неизбежно порождала в общественном мнении – по крайней мере, Америки и, возможно, Европы – сомнения в прочности союза России и Франции при новом императоре.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Emperor of the Russia Dead. Alexander III Died at Livadia Yesterday. The Czar's Suffering Ended at Last. The Czarina Summoned Her Royal Relatives to Influence the Csarewitch. Allegiance to Czar Nicholas // *The New York Times*. November 2, 1894. P. 1–2.
2. Nicholas II Is Proclaimed. The New Emperor's First Formal Words to His Subjects // *The New York Times*. November 3, 1894. P. 1–2.
3. Russia's Puerile Autocrat. Elements of Failure in the Outfit of the New Reign. Personal Traits of Czar Nicholas // *The New York Times*. November 4, 1894. P. 1.
4. Russian Nihilists Rejoice // *The New York Times*. November 5, 1894. P. 3.
5. The Czar's Funeral Train // *The New York Times*. November 6, 1894. P. 6.
6. The Death of Alexander III // *The New York Times*. November 7, 1894. P. 9.
7. Funeral of Alexander III // *The New York Times*. November 9, 1894. P. 8.
8. The Dead Czar's Funeral Will Take Place November 17 // *The New York Times*. November 10, 1894. P. 2.
9. Dead Czars Buried Above and Living Patriots Below. Mediaeval Splendor and Savagery. Pobiedonostseff Is Now in Disgrace and Gourko's Order Is Canceled. Uneasiness in German Politics // *The New York Times*. November 11, 1894. P. 1.
10. The British House of Lords // *The New York Times*. November 11, 1894. P. 9.
11. Moscow Full of Mourners. Funeral Services Over the Remains of Alexander III // *The New York Times*. November 11, 1894. P. 1.
12. The Funeral Journey Ended. The Remains of Alexander III Reach St. Petersburg // *The New York Times*. November 14, 1894. P. 1.
13. Looking on the Dead Czar's Face // *The New York Times*. November 16, 1894. P. 5.
14. Invited to the Funeral. The Ceremonies in St. Petersburg to Take Place November 19. The City Filled with Visitors. Crowds Kiss the Dead Czar's Hand // *The New York Times*. November 17, 1894. P. 5.
15. Prince of Wales in View. Hopes and Fears of a Quadruple Alliance Are Expressed? Nervousness Evident In Germany. Intentions of Armenian Intriguers. Folly of the Madagascar Expedition // *The New York Times*. November 18, 1894. P. 1.

16. The Eastern Question Again // The New York Times. November 18, 1894. P. 4.

17. Андреев Д.А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб.: Алетейя, 2022. 234 с.

18. Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 1: 1894–1904 / Отв. ред. С.В. Мироненко. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 1101 с.

THE IMAGE OF NICHOLAS II IN THE FIRST DAYS OF THE REIGN ON THE NEW YORK TIMES NEWSPAPER MATERIALS

Pakhomov D.V.

Lomonosov Moscow State University

ABSTRACT

The article is devoted to the formation of the image of Emperor Nicholas II in the American newspaper The New York Times in the early days of his reign. The assessments of his personal and business qualities broadcast by the newspaper are considered. The dynamics of such assessments for a short period from the beginning of the third decade of October to the beginning of November (according to the Julian calendar) 1894 is shown. Rumors published in this publication about possible internal political changes in Russia are analyzed, and some of such judgments are verified. The connection between the image of the young tsar looming in the materials of the newspaper and the political alignments in Europe and their probable transformations is shown.

KEYWORDS

Emperor Alexander III, Emperor Nicholas II, The New York Times, Empress Dowager Maria Feodorovna, Prince Albert of Wales, Princess of Wales Alexandra, Duke of York George, Earl of Rosebery.